

Новая Польша 2/2012

0: ВИСЛАВА ШИМБОРСКАЯ (1923-2012)

Некоторые любят поэзию

Некоторые —

то есть не все.

Даже не большинство всех, а меньшинство.

Не считая школ, где приходится,

и самих поэтов,

таких на тысячу наберется человека два.

Любят —

но любишь и бульон с вермишелью,

любишь комплименты и голубой цвет,

любишь старый шарфик,

любишь поставить на своем,

любишь погладить собаку.

Поэзию —

да что оно такое поэзия.

Сколько неопределенных ответов

на этот вопрос уже давалось.

А я не знаю и не знаю и на этом стою,

как на спасительных мостках.

Пер. Натальи Горбаневской

Как писать автобиографию

Что от тебя требуется?

Написать заявление,

а к заявлению приложить автобиографию.

Независимо от продолжительности жизни

автобиография должна быть краткой.

Следует сжато изложить факты.

Пейзажи заменить адресами,
смутные воспоминания точными датами.
От всей любви оставить только законный брак,
Из детей — только тех, кто сумел родиться.
Кто знает тебя — важнее, чем те, кого знаешь ты.
Если уж поездки — то только за границу.
Членство — в чём, но не почему.
Награды — без «за что».
Пиши так, словно сам с собой ни разу словом не обмолвился
и всегда сам себя обходил за версту.
Обойди молчанием кошек, собак и птиц,
памятные пустыки, сновидения и друзей.
Надлежит указать скорее цену, чем ценность,
название, а не содержание.
Скорее номер ботинок, чем то, куда идёт
то, что из тебя выпало.
Плюс фотография с открытыми ушами.
Главное — форма ушей, а не то, что они слышат.
А что они слышат?
Грохот машин, пережёвывающих бумагу.

Пер. Андрея Базилевского

Речь в бюро находок

Я утратила двух-трех богинь по дороге с юга на север,
а также многих богов на пути с востока на запад.
Погасли мне две-три звезды, расступись, небо.
Погрузились мне в море два-три архипелага.
Я даже не знаю точно, где я оставила когти,
кто ходит в моем меху, кто в раковине моей обитает.
Родня мне поумирала, когда я выползла на сушу,
лишь какая-то косточка празднует во мне годовщину.
Я вылезла из кожи, позвонки и ноги теряла,

лишалась чувств, то есть органов чувств, много-много раз.

Давно я закрыла на это свой третий глаз,

плавником махнула на это, покачала ветвями.

Пропало, подевалось, ветрами поразвевалось.

Сама себе удивляюсь, как меня осталось:

единичная особь, что, в обличье людском пребывая,

Всего-то навсего зонтик потеряла вчера в трамвае.

Пер. Натальи Астафьевой

Кошка в пустой квартире

Умереть — такого не делают кошке.

Что остается кошке одной

в пустой квартире?

Карабкаться на стенки.

Крутиться между стульев.

Вроде ничего не сменилось,

а изменилось всё.

Вроде не передвинуто,

а переставлено всё.

И вечерами лампа больше не светит.

Слышны шаги по ступенькам,

но это не те.

Рука кладет на блюдечко рыбу,

и тоже не та рука.

Что-то не начинается

в свое обычное время.

Что-то не происходит,

что быть должно.

Кто-то тут был да был,

а внезапно взял и исчез,

и нет его, нет как нет.

Во все шкафы загляни.

По полкам пробегись.
Заберись под ковер и проверь.
Даже нарушь запрет
и разбросай бумаги.
Что еще остается?
Спать да ждать.
Ну уж, пусть только вернется,
пусть покажется.
Вот тогда узнает,
что такого кошкам не делают.
Пойдешь в его сторону,
будто совсем неохотно,
потихонечку,
на ужасно обиженных лапках.
И никаких прыг-скок-мур-мур для начала.

Пер. Натальи Горбаневской

Маленькая девочка стаскивает скатерть

Вот уже год на этом свете,
а тут еще не все исследовано
и взято под контроль.
Теперь опробуются вещи,
которые не двигаются сами.
Нужно им в этом помочь,
подвинуть, подтолкнуть,
брать с места и переносить.
Не все хотят, например, шкаф, буфет,
неподдающиеся стены, стол.
Но скатерть на столе упрямом
— если схватиться за края покрепче —
согласна ехать.
А на скатерти стаканы, ложки, чашка

аж трясутся от охоты.

Очень интересно,

какое они выберут движение,

когда окажутся уж на краю:

гулять по потолку?

летать ли вокруг лампы?

прыгнуть на подоконник, а оттуда на дерево?

Мистер Ньютон пока ни при чем.

Пусть себе смотрит с неба и машет руками.

Эта попытка сделана должна быть.

И будет сделана.

Пер. Натальи Астафьевой

1: ЭКСПЕРИМЕНТЫ ШИМБОРСКОЙ

В одном эссе Чеслав Милош написал о феномене, который называют «польской школой» поэзии: «Поэзию «польской школы» стоило переводить на иностранные языки, так как ее язык нёс на себе груз старого и нового исторического опыта, что преобразовывалось в отстраненность и иронию, — не исключая из этого и «легкой» Шимборской». И неудивительно, что этот эпитет — «легкой» — поэт взял в кавычки. Потому что и впрямь — эта поэзия на вид не оказывает читателю сопротивления. Но, когда вчитаешься внимательней, оказывается, что она затягивает в бездну, и это прекрасно растолковано в другом эссе Милоша — «Шимборская и Великий Инквизитор»), где глубокому анализу подвергнуто стихотворение «Маленькая девочка стаскивает скатерть». В поверхностном восприятии это просто-напросто отличный рассказик об эксперименте ребенка, состоящем в стаскивании со стола материи, отягощенной стаканами и ложечками:

Вот уже год на этом свете,

а тут еще не всё исследовано

и взято под контроль.

Теперь опробуются вещи,

которые не двигаются сами.

Следовательно, ее ждет открытие законов всемирного тяготения. При этом: «Мистер Ньютон пока ни при чем. / Пусть себе смотрит с неба и машет руками. // Эта попытка сделана должна быть. / И будет сделана».

Обращаясь к сочиненной Иваном Карамазовым Легенде о Великом Инквизиторе, к тому, что Христос отверг соблазн с ангельской помощью преодолеть законы всемирного тяготения и, наконец, освобожденный из темницы, одарил поцелуем Своего гонителя, Милош объясняет, что силу тяготения преодолевает — а значит, доказывает, что эксперимент может опровергнуть упрочившуюся уверенность в неизбежности обычного хода вещей, — благодать: «Единственное исключение — благодать, противопоставленная этой силе тяготения, то есть как бы молчаливый поцелуй Иисуса, данный Великому Инквизитору. Так что, как видно, под невинным стишком Виславы Шимборской таится пропасть, в которую можно углубляться почти без конца, какой-то темный лабиринт, по которому хочешь-не-хочешь мы блуждаем на протяжении жизни».

Такой же маленькой девочкой, заново и наново экспериментирующей и по-прежнему удивленной тем, что то, что есть, таково, каким оно должно быть, — остается и та, что написала это стихотворение. Потому что всегда в конце любого опыта — любого ее стихотворения — неизбежно возникает вопрос, на который нет ответа: должно ли так быть? И совершенно ли очевидно то, что есть? И можно ли этому противостоять, а если можно, то как? Да вот так: не уставая возобновлять опыты, потому что, как она написала в стихотворении «Луковица»: «И не дан нам (...) / идиотизм совершенства».

Ничуть не преувеличивая, Шимборскую можно счесть поэтессой, каждое новое стихотворение которой, каждое новое творение, — это возобновление такого опыта, эксперимент, в том числе и языковой. Я с давних пор убежден, что у ее отдельных стихов — своя, особая поэтика, а в то же время, несмотря ни на что, существует то, что можно определить как общий для них всех поэтический язык. Каждая ее книга стихов идеально точно скомпонована, каждая есть самодостаточное множество. Эта точность предписывала автору неустанный отбор. Поэтому не удивляет, что, отвечая на вопрос о сравнительно малом количестве опубликованных стихов (около 350 ти), она сказала, что для остальных у нее есть мусорная корзина. Один из самых поразительных экспериментов — книга «Двоеточие», заканчивающаяся стихотворением «Да любое стихотворение» с раскрытым к недостижимому Целому концовкой:

если черным на белом,
пусть хотя бы догадкой,
по важной ли, чепуховой причине,
поставлены знаки вопроса,
а в ответе —
если двоеточие:

Пер. Натальи Горбаневской

Луковица

Луковица не аukaется
с нами, у которых нутро.
Она насквозь пролукувится,
не contra лука, а pro.
Луковая снаружи,
луковая до дна,
взглянуть на себя без ужаса
она предназначена.
В нас чужина и дикость,
и кость, и кишки, и скверна,
едва лишь кожей прикрыта
анатомия неудобная.
А в луковице — луковица,
не интерьеры inferно,
она многократно нагая,

до глубины тому-подобная.

Непротиворечива,

единство, а не раствор,

одной другая подпругой,

меньшая с большей — когортой,

а дальше еще и еще,

то есть третья в четвертой.

Центростремительной фугой.

Эхом, впадающим в хор.

Луковица — понимаю:

лучшее брюхо мира.

Само себе ореолом

творит из себя кумира.

А в нас и жиры, и жилы —

на позор и блаженство.

И не дан нам, не дан, не дан

идиотизм совершенства.

Пер. Натальи Горбаневской

Да любое стихотворенье

Да любое стихотворенье

могло бы называться «Минутка».

Хватит нескольких слов

с глаголом в настоящем,

прошедшем ли, будущем времени;

хватит, чтоб что угодно,

несомое словами,

зашелестит, заблещет,

проплывет, пропорхает

или же сохранит

мнимую неизменность,

но с подвижною тенью;

хватит, что речь ведется
о ком-то рядом с кем-то
или кем-то рядом с чем-то,
о маме, что моет раму
или уже не моет,
или о других мамах,
об окошках и кошках
из других букварей,
листаемых ветром;
хватит, если на расстоянии взгляда
автор поставил временные горы
и непрочные долины;
если он при случае
намекнет на небо,
только с виду вечное и беспечное;
если явится под пишущей рукой
что-то единственное,
названное чьим-то;
если черным на белом,
пусть хотя бы догадкой,
по важной ли, чепуховой причине,
поставлены знаки вопроса,
а в ответе —
если двоеточие:

Пер. Натальи Горбаневской

2: ПЛЮМАЖ

Отец держал карандаш так, как столяр держит гвоздь, слишком кривой, чтобы его можно было вбить в доску.

Руки у отца как камни мостовой, черные, большие. Японский карандаш был не меньше простого карандаша, каким пользуются столяры, но из пальцев отца едва выглядывал его кончик и выписывал в воздухе кренделя, чертил зигзаги.

Я смотрел на это со стесненным сердцем, у меня перехватывало дыхание.

Ни ловкости, ни силы отцовская рука не потеряла. Отец взмахнул карандашом и на гладкой поверхности еженедельника «Viva»

